

* * *

Вьется в тамбуре дым, разговоров дорожных отрава
Растворяется в нём и вдыхается странно — легко.
Нет, вы не мешаете мне, мой попутчик лукавый...
Да, конечно, — домой...Далеко, ещё как далеко!..

Отчего я курю? — Не сорваться с крючка у привычки.
Почему я пишу? — Ах, сама я в потёмках бреду:
Не подходят ключи, и ломаются напрочь отмычки,
Выбьешь дверь — и с рассудка сорвёшься на полном ходу.

Растворяется сахар в стакане крепчайшего чая,
Растворяется память в мелькании дней и забот...
Да, скучают и ждут, с нетерпением ждут и встречают.
Да, конечно, — везёт... Очень тряско, и всё же, — везёт.

Мир, конечно же, тесен. А мы, оставаясь чужими,
Распростимся и вряд ли ещё раз увидимся в нём.
Но когда-нибудь я чиркну спичкой и высвечу имя,
И мелькание станций, и тени за мокрым окном.

И покажется мне, что не сказано было так много.
Но насмешливый ветер подхватит крутящийся хлам...
Улыбнитесь, попутчик. Под нами грохочет дорога,
И сжимается время, разрубленное пополам.

* * *

Есть города, похожие на сон...

К. Паустовский.

Есть города, похожие на сон —
Пыль на камнях плотней и мягче фетра.
Сухой чертополох звенит, и ветром
По дремлющим дворам разносит звон.

Там время не струится, не течёт,
Но истекает медленно и тонко,
И ракушек осколки среди щебёнки
Хрустят — и все шаги наперечёт.

Там в сумерках стусившаяся синь
Пulsирует у стен и в окнах тонет,
И морем пахнут детские ладони,
И горечью — бессмертная полынь.

Есть города, похожие на сон.
И в этом сне я вновь листаю даты
И улицы, которыми когда-то
Брела. Но не запомнила имён.

* * *

Саше Джигиту

Ночь не слишком нежна. За ослепшим окном
Отрешённо и глухо стучит метроном.
Черноту переулка сжимают дома,
Там направо — сума, а налево — тюрьма.

Кто-то сходит с ума, кто-то — попросту спит...
Сквозняком отворённая дверь заскрипит,
И часов хрипловато-раскатистый бой
Отзовётся в груди: «...Бог с тобой!.. Бог с тобой!..»

И умолкнет, и вновь в одичалой ночи
Метроном отрешённо и глухо стучит,
Так, как будто на звуки простые разъят
Напряжённый и яростный пульс бытия —

Ритм Вселенной, безмерное сердце её...
В межреберье нацелено остриё
Закалённого света неведомых звёзд.
Не проси, не надейся, вставай в полный рост —

Всё равно не укрыться за хрупким щитом.
Пой осанну шершавым от ужаса ртом!
И над бездной молчанья на миг удержишься,
Отражая собой беспощадную высь.

* * *

Снег февральский запёкся в лёд,
А тебе лишь одно — вперёд,
А тебе лишь одно — держись!..
Бесконечность — и вширь, и ввысь.
Лишь бы только выдержал наст,
Лишь бы только — в последний раз,
Лишь бы только — ещё прыжок...
Это всё — ничего, дружок.
Это — поле и дальний лес,
Чьи-то тени наперерез,
Даль, сужающая зрачки,
Хриплый лай, сухие щелчки,
Льдинка, схваченная на бегу,
Боль, взорвавшаяся в боку,
Привкус ржавчины на губах,
Голой ветки прощальный взмах.
Это на краю пустоты
В чьё-то горло вцепился ты,
Захлебнувшись собственной кро...
Это звёздное серебро
Потихоньку течёт с небес,
Заливая уснувший лес,
Пробирается сквозь кусты,
По сугробам скользит, где ты
Словно вытянулся на бегу
И застыл на сизом снегу,
Гасит боль, прощает вину,
И летит назад, в вышину,
И в мерцающих облаках
Оставляет последний страх.

Удельная

А давай-ка дойдём до шалманчика средней руки,
Где шумит переезд, и народ ошивается всякий,
Где свистят электрички и охают товарняки,
Где шныряют цыгане, где дня не бывает без драки,

Где торгуют грибами и зеленью, где алкаши
Над каким-нибудь хлипким пучком ерунды огородной
Каменеют, как сизые будды, и где для души
На любой барахолке отыщется всё, что угодно,

Где базар и вокзал, неурядица и неуют,
Где угрюмо глядит на прохожих кудлатая стая,
Где, мотив перевервав, голосами дурными поют,
И ты всё-таки слушаешь, слёзы дурные глотая.

Там хозяин душевен, хотя и насмешлив на вид —
У него за прилавком шкворчит и звенит на прилавке.
Он всего лишь за деньги такое тебе сотворит,
Что забудешь про всё и, ей-Богу, попросишь добавки.

Он, конечно, волшебник. Он каждого видит насквозь,
И в шалманчике этом работает лишь по привычке.
Вот, а ты говоришь: «Всё бессмысленно...» Ты это брось!..
И опять — перестук, да пронзительный свист электрички.

* * *

Под конец ленинградской зимы ты выходишь во двор,
И, мучительно щурясь, как если бы выпал из ночи,
Понимаешь, что жив, незатейливо жив до сих пор.
То ли в списках забыт, то ли просто — на время отсрочен.

Сунув руки в карманы, по серому насту идешь —
Обострившийся слух выделяет из общего хора
Ломкий хруст ледяной, шорох мусора, птичий галдёж,
Еле слышный обрывок старушечьего разговора:

«...мужикам хорошо: поживут, поживут и — помрут.
Ни забот, ни хлопот... Ты ж — измаешься в старости длинной,
Всё терпи и терпи...» — и сырой городской неуют
На осевшем снегу размывает сутулые спины.

Бормоча, что весь мир, как квартира, — то тесен, то пуст,
Подворотней бредёшь за кирпичные стены колодца,
И навстречу тебе влажно дышит очнувшийся куст,
Воробы гомонят, и высокое небо смеётся.

Попытка откровенности

Н. Данилину

Знаешь, дружище, на остановке темно,
В доме напротив классическое окно
Оберегает чей-то жёлтый уют.
Там всё нормально, там никого не ждут.
Тут — сигарета погасла, и нет огня —
Очень не вовремя кто-то вспомнил меня.
Снег хрустит, и маятником — шаги,
Холода не выдерживают сапоги.
Не подошёл троллейбус, маршрутки нет...
Как меня достаёт назойливый свет
В этом окошке! А впрочем, что я кручу?
К дому пора. Но я туда не хочу.

Знаешь, дружище, видимо есть во мне
Лишнее нечто. Но возможно вполне,
Необходимого нет — так ведь может быть...
Точно не знаю. Но это мешает жить.
Это оно раздирает мне смехом рот
Там, где «по-взрослому» всё. И наоборот —
Там, где шуткуют, велит умирать всерьёз.
Это оно гонит меня на мороз
Из компаний хороших, уютных гостей.
Меж анекдотов, тостов, милых затей
Странная скука, сосущая пустота,
Чёрная, как пролёт ночного моста,
Вдруг настигает меня и торопит прочь...
Ты понимаешь, это не превозмочь.
Я бы могла поискать кой-чего в вине —
Дури своей вполне достаточно мне,
Так что и результат был бы близок к нулю.
Разве что — запах. Но запаха я не люблю.

То ли, дружище, что снилось, но не сбылось,
С памятью крепко-накрепко перепелось,
То, что не встретилось и не произошло
Смотрит порою словно через стекло,
Бьётся тонкой жилкою на виске.
И догонять его можно лишь налегке.
То ли — кочевники-предки. Чуть слышный зов
Сотен давно исчезнувших голосов,
Запах пота и дёгтя, тележный скрип,
Чей-то гортанный смех и короткий всхлип.
То ли это и в самом деле — шиза.
Если ты так считаешь, я тоже — за.

Знаешь, дружище, это, конечно, смешно,
Глупо, нелепо и — даже стыдно. Но
Только в пути, да ещё — на конской спине
Не бесприютно, не одиноко мне.
Там и попутчик ближе бывает, чем
Добрый знакомый... Но я не про то совсем.
Среди лесных и полевых дорог —
Мой беспощадный, мой милосердный Бог.
Всем своим сердцем, туго сжатым в кулак,
Я бы молилась ему одному — но как?
И отражает, не понимая — что,
Силится вспомнить, глухо мычит: «не то!»,
Корчится от мучительного забвения
Малый осколок безмерного целого — я.